

ЛАДА ЛУЗИНА

Киевские ведьмы
Ледяная царевна

Киевские ведьмы

Лада Лузина

Ледяная царевна

«Фолио»

2014

Лузина Л.

Ледяная царевна / Л. Лузина — «Фолио», 2014 — (Киевские ведьмы)

Три молодые киевлянки неожиданно приняли от умирающей ведьмы Кылыны ее дар. Как же они сумеют распорядиться им? Ведь они такие разные: студентка исторического факультета Маша Ковалева, железная бизнес-леди Катерина Дображанская и уволенная из ночного клуба безбашенная певица Даша Чуб по прозвищу Землепотрясная. По воле или против нее, им пришлось стать Киевицами – хранительницами Города Киева – и каждую ночь дежурить на Старокиевской горе в ожидании удивительных или ужасных событий... Когда отмечают Новый год настоящие ведьмы? Уж точно не 31 декабря. Но кто придет к ним в самую темную ночь года? Чешская ведьма солнцестояния Перхта или итальянская веда Бефана? А может, германский черт Крампус, который в ночь Тьмы утаскивает всех грешников в ад...

© Лузина Л., 2014

© Фолио, 2014

Содержание

Глава первая,	6
Глава вторая,	15
Глава третья,	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Лада Лузина
Ледяная царевна и другие
зимние истории (сборник)

© Лада Лузина, 2014

* * *

Глава первая, в которой Даша видит сон о том, как некто видит сон, о том как некто

Высокий мужчина в огромной волчьей шубе стоял перед уходящими в небо деревянными статуями Вечных Богов. Рядом, вокруг плоского жертвенника Вечных, топтались слуги с горящими факелами. Снег скрипел под их ногами, смола с факелов лилась и ранила снег ало-черной огненной кровью. С неба пала звезда, как трепещущая белая птица, подстреленная стрелой удалой.

Повелитель был неподвижен. Он не повернул головы, когда худенький испуганный отрок подошел к нему.

– Тебе ведомо, кто я?

Мальчик посмотрел на высокого мужчину с тяжелыми глазами рыси и быстро ответил, так, как учила мать:

– Наш повелитель.

Мать в пожалованных ей серебряных колтах, песцовой шапке и золото-жемчужном убрусе стояла в стороне, и лицо ее было измятым, испуганным, а глаза – красными от пролитых слез. С первого дня Кратуна, когда люди властителя пришли к ним со златниками и дорогими дарами, наказав привести сына во двор, она всё рыдала: «Кубунчик, кубунчик, по что?..» Рыдала, спешно дошивая ему нарядную новую рубаху, рыдала, глядя его по голове и научая, что отвечать, рыдала, пока обряжала его... а когда во тьме к ним пришли опять, замолчала, став маленькой и какой-то неважной. Матери не разрешили подойти к повелителю. «Иди один», – слегка толкнули мальчика в спину.

И он пошел.

– Да, я ваш повелитель, – устало принял мужчина заученный ответ. – Но тебе ведомо, кто я?..

Высокий сломался, белое длинное лицо с четко прорисованным хищным носом и взглядом, пронизывающим – словно прокалывающим череп насквозь, оказалось совсем близко, и мальчик узнал, что волчья шуба пахнет свежей кровью, как требуха, которую готовила мать, а длинные одежды владыки расшиты непонятными символами.

Отрок быстро кивнул, – вопрошавший удовлетворился немым ответом, больше повелитель не спрашивал его ни о чем.

– Ты пойдешь к Нему, – приказал мужчина, указывая на деревянного Бога. – А когда подойдешь совсем близко, остановись, оглянись, посмотри на меня. Понял?

– Да.

– Исполни.

Мальчик двинулся к Богу.

Бог был огромен – казалось, деревянный резной столб подпирает зимнее небо. Лик божества, вырезанный в широком стволе толстого дерева, приближался – усы и волосы его были серебряными, а глаза из настоящих камней – сверкающих, белых. Глаза Бога жадно горели в свете факелов. Бог был живым, и мальчик боялся его сверкающих глаз, боялся неведомого, прячущегося за необъяснимыми рыданиями матери, – так горько она плакала лишь однажды, когда получила весть о смерти брата на поле ратном.

Бог был совсем близко, когда факелы слуг одновременно опустили горящие головы в жертвенник и вырос костер. Глаза Бога вспыхнули слепящим огнем. Мальчик зажмурился, но сразу вспомнил приказ повелителя и обернулся.

Повелитель стоял на том же месте, но с ним произошло непонятное. Он вырос, сделавшись громадным, как холм, широкие плечи облекал алый плащ, лицо стало хищным – черты заострились.

Запрокинув голову, приоткрыв бледный рот, мальчик в ужасе смотрел на властителя их земель, ставшего страшным великаном.

– Нет... Нет! – услышал он отчаянный плач матери.

Слуги повелителя держали ее, она вырывалась, билась в их руках.

– Это он, – палец великана указал на несчастного отрока. – В колодец!

* * *

Квадрат звездного неба мелькнул и пропал¹...

...черная, проносющаяся мимо тьма колодца была бесконечной. Он даже не успел испугаться, когда тело перелетело преграду, отделяющую твердыню земли от дыры в никуда. А потом страх и подавно исчез, всё исчезло, – он летел и летел, и на смену другим пришло чувство бесконечности, бесконечной тьмы, которая не окончится уже никогда, и нет смысла бояться того, что впереди, темнота и есть самое страшное – нескончаемая, неотвратимая, вечная...

Неужели бесконечный, тоскливый, бессмысленный полет в никуда и есть смерть?

Князь проснулся. Темнота его кабинета была иной – тревожной, нахохлившейся, но безопасной, знакомой: привычные синие обои, стол для письма, вогнутые кресла и извечная неисребимая сырость в углах. Похоже, он заснул на диване. Помедлив, князь нашарил спички, зажег огарок свечи на маленьком и распатанном круглом столе. Стоящий на давно погасшем камине китайский болванчик с острой белой бородкой недобро качал головой, подтверждая невысказанное – неясную, лежащую на сердце темную тяжесть. Но это был просто сквозняк.

С подсвечником в руках князь подошел к окну – всё еще было в движении, по улицам Петербурга скакали кареты, прохожие на тротуарах прятали от непогоды озябшие лица. Фонари страшно плясали на диком ветру, и от них тянулись, шевелились длинные тени – тени металась по снегу в причудливой пляске: казалось, окна и кровли домов, памятники и барельефы то опускаются, то поднимаются с белой земли. Во всем выговаривалось что-то неясное – будто бы мир тоже стал головоломкой, которую предстоит разгадать, так же как серый город – стал белым. Снег выпал, пока он спал...

Белобородый болванчик опять закачался: да-да, всё так, как и кажется: опасность, опасность! Сквозняк загасил огарок свечи.

Вздор! Что за вздор? Как чудесит воображение, плененное зимней бурей... Его ноги совсем озябли, но он все стоял, перебирая в уме нехитрые средства упокоения: стакан воды, одеколон, гофманские капли.

Снег. Это все снег...

Снег падал и навевал ему чудный сон о падении. Неведомый страшный повелитель бросил его в колодец. Или он упал туда сам? Воспоминания истаяли, оставив разорванные неясные образы: громадная пушистая шуба, горькие слезы, мольбы... Лишь полет помнился удивительно ярко – и душа сжималась в тоске, будто он летел до сих пор.

Он снова зажег свечу и поставил подсвечник на стол, рядом с развернутым адрес-календарем, зафиксировавшим самую темную ночь уходящего года. Князь поспешно сгреб бумаги в сторону, взял чистый лист. Следовало записать всё, пока сон не растаял окончательно, не стал водой, вода – паром, пар не развеялся по ветру. Что-то важное мерещилось ему в зимнем сне.

¹ В этом разделе лексика автора совпадает с лексикой князя Владимира Федоровича Одоевского – русского писателя и философа.

Он пожалел, что проснулся и не увидел его до конца. Не узнал, есть ли дно у колодца на тот свет? Каков он, тот свет?

Почему он решил, что на дне колодца есть свет? Тот самый... Потому что так писали во всех старых сказках.

Худая рука с длинными тонкими пальцами обмакнула перо в потемневшую бронзовую чернильницу и наскоро вывела:

Подойти к колодцу, спуститься к самому дну, а там... что там?

Он снова ощутил в ушах свист падения.

* * *

– Я падаю, падаю!.. А-а-а...а-тпустите!..

– Замри. Не шевелись, – приказала Маша, откуда ни возьмись образовавшаяся в Дашином сне.

Даша Чуб лежала под чем-то тяжелым, шуршащим, неприятно-колючим, но на редкость приятно пахнущим.

– Не шевелись, на тебя елка упала...

Стараясь быть осторожной, Маша Ковалева, оказавшаяся вовсе не сном, просунула руки сквозь колкие ветви, взялась за обмотанный ватным снегом толстый ствол и рывком выровняла разукрашенное мишурой праздничное дерево.

– Не шевелись, – повторила она, – осторожно... Кажется, один шарик разбился. У тебя вся постель в осколках!

Даша Чуб недовольно открыла глаза:

– Так я не сплю? Ты откуда нарисовалась?

– Пришла, как мы договаривались. Меня твоя мама впустила, – ответила пошатывающаяся новогодняя елка голосом Маши.

Не послушавшись совета, Чуб рывком соскочила с кровати.

– Ой, это же мой любимый!!! – горестно вскрикнула она, опознав разбежавшиеся по постели голубые осколки. – Мой любимый шарик погиб!.. Почему не мог разбиться какой-то другой?!

– Помоги мне, пожалуйста, – жалобно попросила подруга, чувствуя: еще мгновение – и «пьяная» елка свалится теперь уже на нее. А на ум студентке-историчке совершенно некстати пришло, что раньше елки и были символом пьянства – их привязывали над трактирами.

В четыре руки они вернули ствол дерева обратно – в стоявшее рядом на табуретке металлическое ведро с песком. Елочные игрушки опасно и неодобрительно звякнули, волны «дождика» затрепетали. Даша сорвала махровый пояс с брошенного в кресле домашнего халата и привязала им еловый ствол к батарее.

– Может, лучше веревкой? – спросила подруга.

– Лучше, – согласилась Чуб. – Но сама посмотри, откуда ва-аще в этом доме веревка?..

Ковалева послушно осмотрелась: ни Даша, ни ее мать не страдали ни фанатичной хозяйственностью, ни чрезмерной любовью к порядку. Гостья поискала глазами хоть один стул или кресло, не заваленный Дашиными юбками, шапками, лифчиками, хоть один стол или полку, не засыпанные черновиками статей ее мамы, подобного в доме не имелось – как и веревки. Пол покрывал дорогой, настоящий персидский, но старый и невероятно потертый ковер. На шкафах стояли коробки с сокровищами, неизвестными даже самим хозяевам квартиры. И все же, как ни странно, Маша всегда ощущала себя здесь намного уютней, чем в собственном доме. Поскольку уют – душевное удобство, удобство – отсутствие острых крошек проблем, и, невзирая на всю разность характеров мамы и дочери, их основополагающей семейной чертой была беспроблемность, выпадающая практически в «плюс бесконечность».

– Интересно, что за сон чудо-юдовый? – Чуб накинула халат и задумчиво дотронулась до кончика носа. – Мне приснилось, что я падаю.

– Не ты, а на тебя... – попыталась поправить свидетельница происшествия. – На тебя елка упала. – Но ее перебили.

– И даже не я падаю, а кто-то другой... хоть он – и я. – Даша подошла к высокому окну и возмущенно скривилась при виде сизого промозглого дня. – Мне приснилось, будто я какой-то мужик, и ему снится, что он маленький мальчик, который падает в колодец. Он просыпается, садится, записывает это... и падает снова. Что за погода гадючная, в этом году ва-аще выпадет снег?!

Погода за окном была то ли поздне-осенней, то ли ранне-весенней: сыроватой, но не дождливой, хмурой, но не холодной – в общем, довольно комфортной, но совершенно не праздничной. Серый дом, серый двор, серая земля и серые голые деревья. И у Даши Чуб тоже сделалось серым-серо на душе, но лишь на мгновение...

– Ну ничё, сегодня мы снежок наколдую. – Ее улыбка стала хитрой, ладошки довольно потерялись друг о дружку. – Завтра такой снег повалит!

– А мне и так нравится. Не нужно ни сапоги, ни шубу носить. Мне и без них есть что таскать на себе, – улыбнулась Маша и погладила себя по еще не очень большому, почти шести-месячному животу.

– А я хочу снега! – объявила Чуб, топнув в подтверждение босой ногой. – Конец декабря! А вместо снега на меня падают елки... Мама, мама, ты слышала, на меня елка упала?.. Мама! – заголосила Чуб.

В комнату вошел ароматный сигаретный дым, а за ним с вечно дымящейся пахитоской в руке всплыла Вероника (несомненно, у нее имелось какое-то отчество, но Дашина мать просила, чтоб ее именовали именно так).

– Да, приятно засыпать под елочкой, – сказала она, – но, видимо, все же не стоило ставить ее рядом с кроватью. – Вероника мгновенно оценила драматургию проблемы. – Ты во сне постоянно ворочаешься. Наверное, зацепила ее. Хорошо, хоть на тебя не свалился твой дедушка. – Дашина мать бросила обеспокоенный взгляд на огромный и пестрый прикроватный ковер с висевшим на нем фотопортретом Андрея Андреевича Чуба в массивной старой деревянной раме с толстым стеклом. – Он мог тебя и убить.

– «Я тебя породил, я тебя и убью», – хмыкнула внучка с гоголевской фамилией. – Проблем-то, Маша бы мигом меня воскресила. В смысле, – Чуб подмигнула подруге, – Машка и мертвого подымет, если работать надо. А вот шарик – реальная печалька. – Она испустила тягостный вздох и проскулила: – Мне ведь его еще в школе Дед Мороз подарил, когда я в первом классе на утреннике песенку пела. Помнишь, мама?

– Конечно, помню. Очень жаль. И не склеишь, – озабоченно изучила проблему родительница и с обидой расплющила пахитоску в надбитой мраморной пепельнице. – Осколки слишком мелкие, – солидарно вздохнула Вероника и принялась собирать с постели остатки дед-морозовского подарка в свою последнюю рукопись «Маяковский и подражатели».

* * *

Минут десять спустя они уже сидели втроем на большой запущенной кухне бывшей профессорской квартиры: с высокими облезлыми потолками, буфетом с витражными стеклами и такой старой, тонконогой и «крылатой» плитой с черными полками по бокам, что ее можно было по праву величать и старинной.

Четвертым был дед – мысль о его опасности показалась Веронике настолько серьезной, что она немедленно переместила предка на кухню, где в стене торчал дебелий и древний гвоздь, вбитый, похоже, еще самим профессором Андреем Андреевичем Чубом.

– А так даже круче, – оценила перемещение Даша, – так дедушка будет как бы всегда с нами сидеть за столом. – Она с наслаждением сделала третий глоток утреннего кофе.

– Странно, ты совершенно на него не похожа, – заметила Маша, с интересом разглядывая черты Дашиного деда: худощавое лицо, тонкие губы, длинноватый нос с едва заметной горбинкой и внимательные, слегка прищуренные глаза с характерным иконописным разрезом.

Даша Чуб казалась полной противоположностью дедушки – круглоглазая, пухлоносая, пухлогубая, пухлая, как сдоба.

– Она похожа на его жену – свою бабушку Анфису, – пояснила Вероника. – А вот Дашин папа, сын Андрея Андреевича, – точная копия отца. Словно их из одной формы отлили. Хотите, Маша, я вам покажу фотографию?

– Не надо, – отрезала Даша Чуб, – я его даже на фотографии видеть не хочу.

– О, я совершенно забыла, – спохватилась Вероника. – Твой папа вчера звонил. Очень хотел тебя сегодня увидеть...

– Вот еще! Сегодня я ва-аще занята, – резко ответила Даша.

– Я знаю. Я сказала ему, что сегодня вы с девочками отмечаете... Кстати, если не секрет, любопытно, почему вы решили отметить Новый год 20 декабря? – В вопросе Вероники и впрямь не прозвучало ничего, кроме любопытства. И эта ее удивительная неспособность к осуждению – готовность понять и принять абсолютно любую позицию, теорию или веру – не переставала поражать Машу Ковалеву.

– 20, 21 и 22 – три часа Кратуна, три самые темные ночи в году, – объяснила Маша на правах студентки исторического факультета. – И самый древний из всех новогодних праздников – зимнее солнцестояние. Еще во времена палеолита – до рождения христианства, до формирования язычества – люди не могли не заметить, что в конце осени начинается время Кратуна, или Коротуна. Дни становились все короче, ночи – длиннее. Солнце угасало – оно словно медленно умирало. А в декабре рождалось опять, и дни начинали прибывать. Это и есть самый первый – древнейший Новый год. Настоящий. Не придуманный – не от ума, не от календаря...

– Не от фонаря, – подпела Даша.

– А от самой Природы. Солнцестояние можно сравнить с прабабушкой всех-всех-всех зимних праздников от Николая до Крещения. Вот, представьте, жила-была бабушка, и у нее было много добра. Затем она умерла, и добро перешло к многочисленным детям и внукам... С ночами смерти и воскрешения нового солнца были связаны все традиции, древнейшие магические ритуалы, обряды. А затем все они – и традиции, и гаданья, и поверья, и блюда – поделились между двумя десятками зимних праздников.

– Мне так нравится слушать, Машенька, как ладно вы все объясняете, – похвалила ее рассказ Вероника, подпирая щеку ладонью.

– А откуда тогда нарисовался святой Николай, который стал Санта-Клаусом и Дедом Морозом? – спросила Чуб.

– Быть может, Николай и стал Сантой, но точно не Дедом Морозом. Нашего деда в древности называли иначе. Велес, Вихрь, Посвист, Трескун, Студинец, Коротун или Карачун – в зависимости от региона. Коротун – потому что укорачивает солнечный свет. А Карачун...

– Потому что когда он приходит – всем нам приходит Карачун, – засмеялась Чуб. – Так что, Дед Мороз – это Смерть? А его посох – коса?..

– А еще, – Ковалева сделалась очень серьезной, – однажды Киевицкий сказал, что Санта-Клаус и есть дьявол...

– Дьявольщина! – Взгляд Даши упал на умиительно тикающие допотопные ходики. – Мы на парад Дедов Морозов опаздываем... Быстрей собирайся!

– Погодите. – Вероника вышла из комнаты.

Пользуясь ее отсутствием, Маша поспешила к мусорному ведру, где поверх скомканных листов очередной недописанной Вероникиной статьи лежали сверкающие осколки любимого Дашиного шарика.

Склонившись над ними, младшая из трех хранителей Города быстро прикрыла их ладонями, пошептала и полмгновенья спустя с улыбкой протянула подруге дорогой ее сердцу голубой елочный шар с нарисованным на боку белым зайцем.

– Я умею воскрешать не только людей, – тихо сказала младшая из Трех Киевиц.

* * *

...По дивному совпадению, старшая из Трех в тот момент тоже держала в руках новогоднюю игрушку – но ее украшение было дорогим не только для сердца.

Крохотная, как спичечный коробок, карета из дрезденского картонажа казалась отлитой из серебра. Серебристый экипаж был запряжен в шестерку картонных лошадок. Игрушке было больше ста лет – и каждая деталь этой изумительно тонкой работы поражала мастерством и натурализмом: ажурные колеса и бока кареты, уздечки и мускулы на ногах лошадей. При взгляде на нее было нетрудно понять, почему ее стоимость исчислялась в тысячах евро и почему, отыскав чудесные старинные игрушки в Интернете, Катерина Михайловна Дображанская сама прилетела за ними в Германию, не доверив их почте.

Она положила карету и взяла в руки чудесный картонажный самолет-этажерку с тонкими, как у бабочки, крыльями, поцеловала взглядом похожий на золотую безделушку картонаж-пароход, подозрительно напоминавший печально известный «Титаник»... За все ей пришлось заплатить небольшое состояние, но Катерина ничуть не жалела о потраченных денежках.

– Удивляюсь, как вы смогли расстаться с ними, – сказала она немолодой светлоглазой немке с аккуратной седой прической. – Ведь это игрушки вашей семьи.

Дображанская не знала немецкого – зато знала заклятие, позволяющее понимать всех и быть понятым всеми, вне зависимости от языка. И хозяйка игрушек поняла ее тоже.

– У меня есть свои причины, – недоброжелательно отрезала старая немка, машинально разглаживая на коленях серую теплую юбку. – Я придерживаюсь иных убеждений. Я верю в Господа нашего Иисуса Христа!

Хозяйка исподлобья посмотрела на свою слишком красивую гостью, на ее длинные черные волосы, опасные, как лишенные листьев колкие деревья, на ее глаза – как два темных бездонных колодца, на ее кожу – чище первого снега... Не бывает у Бога такой красоты.

Пусть же тьма идет к тьме.

– А при чем тут Иисус? – удивилась Катя.

– Берите, – седовласая немка сунула ей в руки еще одно елочное украшение – крохотного рогатого чертика с хвостом в мохнатых руках. – За него мне не нужно денег. Это Крампус. Он ходит с Сантой.

– Черт?

– Когда-то за почитание Крампуса можно было попасть на костер. Язычники вызывали его на солнцестояние. А теперь... – Немка громко вздохнула, сожалея о старых добрых деньках святой инквизиции. – Наш Иисус не ходит с чертями. Их рождество – это деньги... много денег... бизнес...

– Коммерциализация рождества, – поняла суть проблемы Катерина Михайловна Дображанская, бывшая представителем той самой коммерции, которая очень неплохо наживалась на зимних праздниках, причем прямо сейчас.

– Золото – это дьявол... Санта – антихрист... А я – верую! – подвела итог суровая немка и встала с кресла. – Взгляните туда. – Она указала в окно.

Катерина заметила, что на частном доме хозяйки, как и на соседних домах, висит странный круглый знак – перечеркнутое лицо Санты с надписью «Weihnachstmannfreie Zone».

«Зона, свободная от рождественского деда».

Послышалась далекая музыка. Немка быстро подошла к окну – одним движением сильных жилистых рук задержала обе занавески в пуританских розочках. А Катя поспешила проститься, ей не хотелось продолжать разговор. У старшей из Киевиц тоже были свои причины недолюбливать поклонников святой инквизиции.

Дображанская подошла к арендованной ею машине, осторожно положила бесценные приобретения в багажник и направилась туда, где за рядами просящихся на сентиментальную рождественскую открытку аккуратных домов играла бравурная музыка.

Звуки марша манили ее дальше и дальше и завели на небольшую средневековую площадь... И Катя подумала: а так ли уж не права старая немка?

Площадь заполнила свора чертей – мохнатых, вертлявых, коричневых, черных и красных, рогатых, отвратных на вид.

По улицам старого города шел парад Крампусов – они прыгали с горящими факелами, грохотали цепями и шарами с гремящим металлом внутри, визжали, заносчиво задирались к прохожим и больно били зазевавшихся людей хворостинами. Они не были ни милыми, ни шутовскими, – разрисованные маски чертей казались отталкивающими, страшными, с застывшими открытыми ртами, с громадными длинными зубами, с высокими острыми рогами, способными проткнуть плоть насквозь. Грязноватые шубы, когтистые лапы, черные, коричневые, зеленоватые лица вызывали отвращение и страх... И особенно Катю поразило одно – длинное, смертельно-белое, с окровавленным красным и влажным подбородком. Бледный Крампус с испачканным кровью ртом поймал ее взгляд, уставился на темноглазую красавицу Катю немигающими черными дырами глаз.

Она непроизвольно поежилась и отвернулась...

А во главе разномастных орущих, танцующих, гримасничающих чертей шел Санта-Клаус, точнее, сам местный святой (святой ли?) Николай – в епископской митре, в длинном белом одеянии с красными крестами на плечах.

– В ночь Тьмы затащим всех грешных в ад! – раздался призыв. Шествующие по бокам от святого двое красномордых чертей схватили молодого парня в бежевой куртке, подняли, потащили... Похищенный смеялся, принимая все как потеху.

Кате стало не до смеха – среди множества веселящихся по случаю предрождества людей в мохнатых костюмах и чертовых масках Киевица внезапно узнала иных...

...тех, истинных, которых ей не раз приходилось встречать на киевском шабаше ведьм, тех, кто не нуждался ни в каких карнавальных личинах!

* * *

– Как ты можешь покупать эту елку?.. Она же вся в человеческой крови! Она – свидетель убийства!..

Молодая, облаченная в дутую красную курточку продавщица небольшого елочного базарчика вздрогнула. Оля знала: елки, которые она продает, как говорится, «нелицензионные». А еще знала, что ей нужны деньги, и срубленным елкам по фигуре, есть на них спецбумага или нет – в любом случае им, бедным, как говорит ее папа, пришел карачун.

Но кровь – уже перебор!

Только утром она читала в газете про убийство в лесу... Может? Нет, не может быть... Неужели какая-то из ее елок замазана кровью? И страшно даже подумать, что будет...

Оля незаметно приблизилась к двум говорившим – парню и девушке.

Парень, придирчиво осматривающий обвиняемую елку, был очень красивый – настолько, что Оля сразу позабыла: ей на елку нужно смотреть, не на него... Надменный изгиб рта, гордый нос, черные брови и волосы – вот уж красавец, так красавец. Рыжая невысокая девушка рядом с ним казалась невзрачной – и совершенно во всем: блеклая внешность, скучная одежда, неудачные джинсы. Но всезнающей Оле сразу стало понятно, что красавец делает с ней: девица была «немножко беременной» и держалась за живот характерным жестом.

«Красивый, да еще и порядочный – не бросил же... и где таких другие бабы берут?»

Оля вздохнула – все это ушло от нее еще до того, как она его повстречала. Сплошная непруха. Как будто она не могла взять его на живот. Она бы такого на что хочешь взяла.

– На этой елке висели человечьи кишки! – тряхнул красавец окровавленной (!?) елкой.

«Он что, типа мент? Этот... как... по убийствам», – охнуло внутри бедной Оли.

– Ничего подобного, – убежденно заговорила беременная (и вовсе она не его девушка, а какой-нибудь типа эксперт по крови! А значит, красавчик... свободен!).

Оля немедленно преисполнилась непреодолимым желанием помочь следствию:

«Я еще с утра кровь на елке заметила... и Витя, который эти елки привез, выглядел странно и выпивший был... хоть это не странно, такое с ним каждый день, и я всегда подозревала... а хотите, я вас к нему отведу? Я, кстати, живу по дороге... может, зайдем, чаю попьем, я еще кое-что вспомнила...»

– Какие кишки?! – договорила беременная. – На елке росли яблоки...

«...расцвели яблоки и груши...» – всплыло невольно.

Какие яблоки, какие груши? Она ненормальная!

Девица говорила о фруктах так уверенно, что другой мысли не возникало. Однако внимавший ей не менее серьезно красавец мешал Оле объявить их парой придурков.

«Всякое бывает. Вдруг правда растут? Вдруг типа мичуринские елки придумали... а Витя не знал, и того... срубил в заповеднике... Ну будет мне! Бежать?»

– Вначале елки украшали яблоками, – завершила беременная, – но однажды их заменили стеклянные шары. Шары символизируют яблоки из Эдемского сада. Звезда на макушке ели – это звезда Вифлеема, которая возшла в час рожденья Христа. Елочные свечи – жертва Христова. Елка – сплошной христианский символ! А гирлянды из кровавых человеческих кишок, которыми древние кельты якобы украшали первые елки, – газетная чушь и вранье! Как и про снегурочек – женщин, которых язычники приносили в жертву Морозу: отводили бедных девушек в лес и оставляли их там замерзать насмерть. Никаких доказательств этому нет!

– Хочешь сказать, всё, что еще не доказано, – либо ересь, либо легенды? – поддел он ее. – Кто б говорил! И разве тебе не жалко бедные срубленные елочки?

– А вот елочки жалко... сдаюсь. Уговорил!

«Они не из органов...»

Облегчение было острым, но недолговечным. Они были парой! Они даже не спорили, а шутили – заигрывали друг с другом. Было в их голосах что-то такое – ласкающее, доверительное. Оля не могла сформулировать, но учуяла: он с ней не ради ребенка. Может, она и не уродинка вовсе, а так, спала с лица из-за беременности, такое бывает... Везет же кому-то!

– Елку брать будете? – грубо от обиды спросила она.

– А документы на них у вас есть? – повернулся к ней парень.

И все-таки он был очень красивый – аж сердце заныло, застучало быстрее.

– Есть, – не моргнув глазом, соврала она.

– Не нужно обманывать нас, – мягко сказала девица.

Она все же была неказистой, по крайней мере сейчас – рыжие волосы, ресницы и брови, слишком бледная кожа. Еще и забормотала себе что-то под нос... Чеканутая, так и есть, чеканутая.

- Или вы покупаете, или покладёте елку назад!
- Помилосердствуйте, душенька... – улыбнулся красавец.

О, по отношению к нему Оля готова была проявить милосердие во всех возможных местах!

- ...как можно продавать живые елки? – закончил он.
- Они – уже не живые, – начала она и осеклась.

Красавец отпустил ствол ели и нарочито поднял руки над головой. А ель не завалилась набок, осталась стоять как вкопанная. Точнее, не как – ее ствол уходил в землю взявшимися откуда ни возьмись сильными корнями.

Оля недоуменно оглянулась вокруг в поисках хоть какого-нибудь объяснения НЕВОЗМОЖНОМУ и обнаружила вокруг маленький лес из совершенно живых, никем не срубленных елок, радостно колышущих на ветру пушистыми ветками.

- Вы что, продаете городские насаждения? – иронично поднял брови красавец.

– Как это может быть? – Жалко втянув голову в плечи, пуча глаза, Оля крутила головой, ощущая себя так, словно провалилась под лед в колодец без дна.

- С наступающим Новым годом! – весело развела руками в красных варежках рыжая.

А красавец исполнил еще более феерический финт: улыбнулся и медленно растаял в воздухе, как снегурка весной.

Но где-то в глубине души этому Оля не удивилась...

Поскольку порядочных и красивых мужчин не бывает в природе!

Глава вторая, в которой мы узнаем, где в Киеве находится загадочный дом-храм

С трудом сдерживая смех, Маша перешла дорогу, свернула за угол и снова встретила Мирослава.

– Ну и что теперь делать? – спросила она. – Я же обещала Кате елку купить.

– Купим искусственную. А ты теперь всё оживляешь, напропалую?

– У меня это с четвертого месяца где-то, – призналась Маша, – так и тянет все делать живым... побочный эффект, вместо токсикоза... жажда жизнь подарить. Хочешь, тебя оживлю?

– Не нужно.

– Почему? Это же отличная мысль. Как она не пришла мне в голову раньше. Давай воскресим тебя... Хватит тебе быть привидением!

– Все, Маша, я в торговый центр за искусственной елкой. Их сейчас от настоящих не отличишь.

– В Катин торговый центр?

Маша посмотрела на парящий над площадью огромный билборд с рекламой: прекрасная Снежная Королева в высокой короне осыпала снежинками невероятно счастливых покупателей с множеством брендовых покупок в руках.

Снежная зима – только в Кэт Молле.

Сказочный город, где всегда идет снег!

По признанию Кати, в контексте развившейся среди киевлян острой снего-недостаточности с ноября по декабрь идея установить в ее новом торговом центре снегомашину окупилась с ноября по декабрь не на сто – на все триста процентов.

Но, несмотря на серую бесснежность Города, здесь, на Подоле, между памятником мечтательному Сквороде и чудесным фонтаном «Самсон», тоже было весело, празднично, громко и сказочно.

Ежегодный киевский парад Дедов Морозов радовал глаз, как скопище слетавшихся на счастье божьих коровок, – красные шубы дедов расцвели серую, слегка подернутую туманцем Контрактную площадь.

Когда-то купцы, фабриканты, помещики заключали тут знаменитые ежегодные зимние контракты с рабочими, учителями, инженерами, ныне же многие из горожан тоже пришли сюда, чтоб выбрать подходящего Деда Мороза и, оценив его умения, договориться о выступлении на вечеринке, утреннике, корпоративе или домашнем празднике.

Деды и Снегурки имелись тут всякие, на любой вкус, безвкусицу и кошелек: и настоящие Морозы Ивановичи, в шубах, расшитых богатыми княжескими узорами, и приبلуды в дешевых шубейках из красного кумача, отороченного белой тканью. Были и синешубые, и серебряношубые, и малиновые шубы в белый горох, и лиловые шубы в снежинках. Были и Снегурочки, молодые и порядком подтопанные, в высоких сказочных коронах, скромных маленьких шапочках и париках из серебристого дождика (и на бородатого библейского Самсона кто-то успел водрузить корону из синей фольги), были зайцы и белки, чебурашки, олени, даже панды... И среди них – всего один прибившийся Санта в коротком красном кафтанчике.

– Если увидел на деде штаны, знай, это дед не из нашей страны! – весело крикнул в его сторону молодой и уже не очень трезвый Мороз. – Девушка, сфотографируемся? Недорого будет, десять гривен, – повернулся он к Маше.

– В другой раз.

Иные же киевляне, как в старые добрые времена, когда в честь контрактов на святки у Контрактового дома устраивали балаганы и театры, просто пришли поглазеть на развеселое зрелище, пофотографироваться и посмеяться вместе с детьми. Неподалеку от них Дед со Снегуркой в белых сапожках водили хоровод с малышами, распевая вечную песню про елочку. Справа малиновый Дед в горошек ловко жонглировал блестящими булавами. Слева, сидя на козлах в нарядных узорных санях, Дед размахивал палицей и кричал: «Го-го-го!», поощряя незримых коней – видимо, Декабрь, Январь и Февраль; довольная малышня и их родители громко смеялись.

– Ты на эту посмотри, что вытворяет! – сказал Дед Мороз, которому Маша отказала в фотографии. И, поворачивая голову, студентка почти не сомневалась, что увидит сейчас свою подругу.

Она не ошиблась.

Костюм Даши Чуб, не без оснований носившей гордую кличку Землепотрясная, не до конца соответствовал протоколу зимней внучки: короткие белые сапожки, ажурные белые колготки, белая, в талию шубка из искусственного меха и белая ушанка со стоячими ушами, делавшая ее похожей на безумного зайца... Зато белые длинные волосы ее были заплетены в настоящую косу, в косе сверкала серебристая звезда, а голос выпускницы музыкального училища благополучно перекрывал весь площадный шум-гам.

Расскажи, Снегурочка, где была.

Расскажи-ка, милая, как дела...

Пританцовывая, залихватски ставя ногу с каблука на носок, поводя плечами, Чуб пела на два голоса юморную песню из «Ну, погоди!», разбрасывала вокруг зазывные взгляды, словно отборное зерно под час посевной... И все они уже успели дать всходы – вокруг белокосой Снегурки собралась самая большая, исключительно мужская толпа: случайные прохожие, отбившиеся от семьи папы и безвнучные Деды, перешедшие в атаку и танцевавшие вместе с ней, подпевая: «А ну-ка давай-ка плясать выходи...»

«Нет, Дед Мороз, нет, Дед Мороз, нет... – В процессе тройного отказа Даша трижды сделала «колесо» и, трижды сверкнув серебристыми шортиками под короткой шубейкой, вырвалась из кольца новоявленных поклонников и со смехом закончила: –...Дед Мороз, погоди!!!»

И немедленно получила ангажемент:

– Девушка, идите к нам выступать...

– Нет, к нам...

– К нам на корпоратив... Шеф будет в восторге!

– Иди лучше ко мне в Снегурочки, – крикнул ей высокий Мороз в дорогой серебряной шубе со стразами. – Ух, мы с тобой представленья устроим!

– Ты уже десятый, кто мне предлагает, – весело отмахнулась Даша. – Мне на снежинки разорваться, что ли?..

– А давай... Хоть будет в городе снег, – пошутил тот в ответ.

Маша неуверенно помахала подружке рукой, сомневаясь, что та отреагирует на ее безмолвный призыв раньше, чем приворожит всех Морозов на площади. Но белокошая Снегурка кивнула и сразу направилась к ней, игнорируя многочисленные разочарованные возгласы и взгляды пытавшихся ее удержать благодарных «дедушек».

– Эх, – сказала она то ли грустно, то ли хвастливо. – А в прошлом году я не только «колесо», я еще и на шпагат села... Но тогда здесь, на площади, снег был, а не грязюка... Прощай навсегда моя карьера Снегурочки! Я же блондинка – натуральная, – пояснила она. – И актриса, считай, прирожденная, да еще и пою – ясен пень, что я с детства была Снегурочкой во всех детских садах и в школе. А уж сколько я на елках в прошлом году накосила... до мая денег хватило! Каждый год на парад приходила... Но в этом году я, наверное, в последний раз.

– Ты за сценой скучаешь? – расшифровала ее монолог студентка.

– Я же певица... И не так уж весело ва-аще быть Киевицей. Иногда хочется просто погулять, погудеть... а у нас вечно все так серьезно. Даже Новый год не нормальный, а очередной ритуал.

Маша не успела ответить.

– Черт знает чё! – Землетрясная принялась просматривать свои снимки в смартфоне. – Они чё, все испорченные? Это из-за тумана, что ли? Я такие прикольные фотки на параде Морозов нащелкала, а на них сплошные белые пятна... Ок, пойдём вниз, кофе-чаю попьём, – пробурчала она.

Киевицы спустились в подземный переход Контрактовой. Здесь, в длинной и ровной норе к метро, обитал целый базар, два ряда лотков, где продавали все на свете: нижнее белье, пирожки, золото, махровые розы, косметику, конфеты, национальные сувениры и полудрагоценные камни на счастье. Еще одна забредшая сюда погреться Снегурочка лет сорока воровато покурировала рядом с раскладкой газет.

– А все же землетрясно придумали в Киеве ежегодный парад Морозов! – переключилась на хорошее Даша. – И вовремя – кто-то прошелкал про солнцестояние, да? Хорошо погуляли... А вот интересно, почему мне в детстве родители ни разу Деда Мороза не заказали? Общий Дед Мороз на праздниках – это не то... здорово, когда у тебя собственный есть. И ва-аще, какая разница в детстве, сейчас... Надо взять и хоть раз себе домой заказать. Придет ко мне молодой, с бородой, симпатичный и сразу с подарками. Все, хочу настоящего Деда Мороза!

– У тебя же роман с... Я имя забыла. – Маша помнила имя лишь предыдущего Дашиного парня и еще трех перед ним.

– С Ромчиком... Хорошо, что напомнила! Будь другом, пойдём со мной завтра в Катин торговый центр. Ромчик мечтает с тобой зачекиниться. Он историей очень интересуется, а я сказала, что ты профессиональный историк. И еще он обещает мне завтра сделать сюрприз. Вдруг предложение? И к кому он меня приревнует ва-аще – к Деду Морозу? Смешно! Все, хочу заказать настоящего Деда Мороза!

– Возьмите. – Слегка примороженная, уже ко всему индифферентная девушка в черной трикотажной шапочке с ирокезом из разноцветных нитей сунула Даше в руку флаер. Та взяла его, не глядя, и развернулась в сторону подземного торгового центра.

– Идем, хочешь – не хочешь, надо подарки купить, раз Катя нам делает елку и стол. – Даша Чуб не договорила – замерла, нарочито выпучив и округлив без того круглые глаза. – Машка, ты не поверишь... – протянула она свой флаер подруге.

Ковалева посмотрела на глянцевый прямоугольник бумаги. На ней был изображен бодро шагающий с мешком Дед Мороз в красной шапочке, почему-то с оленьими рогами, а справа – бойкий слоган:

Наряжайте елку,
Готовьте салатки,
А подарок вам доставит
Дед Мороз в халатике!

Внизу значился электронный адрес сайта магазина прикольных подарков.

– Два в одном! – восхитилась Даша, вынимая смартфон, и, не сходя с места, отправилась по указанному инет-адресу. – О, шикардос! Вот это я тебе подарю... – заявила она, едва добралась до первой страницы. – Или это – однофигенственно классно! Нет, не смотри... А это Кате... хи-хи... Где бумажка, давай мне их телефон. – Она набрала номер.

Мимо них прошли два Мороза: один с пыхтящим самоваром в руках, другой – с лотком, полным печенек и бубличков. На правах внучки-Снегурочки Чуб подмигнула последнему и подхватила с подноса горячий пончик.

– Зая, ты прелесть, давай ко мне в Снегурочки! – восторженно отреагировал Дед.

– Ты – одиннадцатый, – довольно качнула белыми ушами Землепотрясная Даша. – Целую... нет, не вас. Я хочу заказать три подарка, – переключилась она на звонок. – Их точно принесет Дед Мороз?

Из-за толпы, гудевшей в норе перехода, Маша не смогла услышать ответ – лишь угадала его: Чуб удовлетворенно кивнула.

– А он у вас как, с программой? Ну, прежде чем вручит подарок, может попросить моих девочек ему стишок рассказать или песенку спеть? Классно! Тогда давайте... Точно 50 процентов? О'кей... До свиданья тогда.

С недоумевающим видом она поднесла к лицу флаер.

– У них есть и реальный магазин, – пояснила задачу она. – Кто его найдет, тот получит землепотрясную скидку. Но тут нет адреса, только загадка: Андреевский спуск, дом-храм. Где ж это там?

Студентка-историчка взяла листок из Дашиных рук.

– Может, они имеют в виду саму Андреевскую церковь? В ее основании – двухэтажный дом... То есть сама Андреевская стоит на другом доме, и этот дом стал в XIX веке уже другой церковью – Сергия Радонежского. Там жил юродивый Иван Босой, он круглый год ходил босиком, даже по снегу... обладал ясновидением, а на деньги, которые собирал, создал первый в Киеве приют для бездомных. И в его церковь под церковью съезжались толпы паломников...

– Церковь на церкви – прикольно! Но тогда бы они написали: найдите две церкви в одной.

– Дом-храм... Кажется, я поняла! – загорелась Маша. – Идем к Андреевской. Я почти угадала. Это впрямь мало кто знает.

– Тогда поехали!

– Пошли, – поправила Маша, указывая красной варежкой прямо в небо.

– Ясно, – вздохнула Чуб, – пешкобус подан.

* * *

Влажные от тумана неровные булыжники Андреевского тыкались им в ноги – так черные щенки приветственно тычутся лбами в ботинки хозяев. Пару лет назад городские власти положили брусчатку, надеясь призвать их к порядку, и что ж?... Разок недовольно вздохнул древний узвоз, пару раз пожал плечами соседних гор – и вновь заскакали его булыжники, словно непослушные дети, пытаясь перепрыгнуть друг дружку.

Им пришлось преодолеть весь крутейший Андреевский спуск, соединяющий Нижний Город с Верхним Киевом, казавшимся снизу почти поднебесным, прежде чем младшая из Киевиц с хитрым видом поманила Чуб за собой – в арку большого, выстроенного в стиле а-ля рюс, пятиэтажного дома-терема № 34.

Они прошли в его двор, где проживал небольшой антикварный магазинчик и украшенное горящими огоньками гирлянд маленькое здание-теремок.

Маша Ковалева отмерила еще десяток шагов, развернулась на девяносто градусов и ткнула пальцем в зимний небосвод.

– Посмотри!..

Пока они шли, успело стемнеть, и увиденное горело над ними зелено-золотым маревом: с того места, где стояли две Киевицы, казалось, что украшенный позолотой купол и крест Андреевской церкви высятся прямо на крыше дореволюционного жилого дома.

– Дом-храм... Прикольненько, – утвердила отгадку Даша. – Хотя, это ж магазин приколов... Вот, видно, и он. – Землетрясная устремилась к терему.

Маша задумчиво осмотрелась: внизу темнели дворы Андреевского спуска, большими ступенями спускавшиеся к яме Подола,верху – над ними высился на небольшой горке хорошо знакомый им серый Музей истории Украины, у ступенек которого Три Киевицы должны были дежурить каждую ночь... за исключением особенных праздников, вроде часов Кратуна – грядущих трех ночей абсолютной Тьмы зимнего солнцестояния.

И все же судьба зачем-то снова привела их сюда...

Магазин оказался внутри совсем небольшим, а встретившая их девушка-продавщица в короне Снегурочки – очень милой.

Она сразу заулыбалась, как только Даша объявила с порога:

– Ну чё, мы получим шикардную пятидесятипроцентную скидку?

– Конечно! Вы первые нас нашли.

– Здорово. А то я боялась, у меня денег не хватит. Тогда оформите мне... Сначала коробку-сюрприз для меня. Я тоже не хочу знать, что мне подарят. Потом... нет, Маша, ты отойди, ты не должна видеть свой подарок... пожалуйста.

Маша послушно отошла в дальний угол к витринам – там на стеклянных полках стояли рюмки-шахматы, маски героев «Звездных войн» и огромная накладная грудь. Оставалось надеяться, что ей подарят не ее. В другом углу под стеклом висела дизайнерская одежда – вязаные платья и шляпки.

Впрочем, оформление заказа пришлось отложить – у Даши зазвонил телефон.

– Ой, Ромчик! – зажглась, как новогодняя гирлянда, она. – Это ОН, – на всякий случай пояснила Чуб и местной Снегурочке, на миг прикрыв трубку рукой. – Не мальчик – взрыв мозга. Позавчера познакомились... Я ща... Маша, ты тоже тут пошарься пока, подарок какой поищи.

Даша шагнула к выходу, но, похоже, перепутала двери и попала в маленький внутренний двор магазинчика, походивший, несмотря на свой скромный размер, на ожившую сказку. На деревянной беседке с резными скамейками и пристроившейся рядом декоративной маленькой мельницей с бревенчатым колодцем-журавлем мерцали новогодние бело-голубые бусы-фонарики.

– Ну что, ты уже соскучился? Правда? А как ты соскучился? Сильно... И какая часть тебя скучает сильнее всего? Ах, эта... А я думала другая... Нет, я не пошлая. Откуда ты знаешь, что я имела в виду? – Почти танцуя на ходу, Даша двинулась в сторону беседки с дощатым полом. Радость переполняла ее через край. – Нет, сегодня никак. Мы празднуем с подругами. Точно с подругами. Не веришь, могу адрес дать. Ярославов вал, № 1. Надумаешь заглянуть – позвони, я тебя в подъезд впусу...

Поравнявшись с колодцем, Чуб развернулась на каблуках белых сапожек в сторону сказочной беседки... И тут случилось странное.

То ли декоративная дорожка из вершущек круглых деревянных пеньков оказалась подмошкой и скользкой, то ли стенки колодца слишком низкими – так или иначе Даша замахала руками, безуспешно пытаясь удержать равновесие, полетела спиной назад, перевалилась через бревенчатые стенки колодца и упала в глубокую бездонную яму.

* * *

Прошло целых двадцать минут, прежде чем Маша Ковалева решила потревожить занятую любовным воркованием подругу.

Выйдя во двор, студентка в недоумении остановилась:

– Где ты?

Она заметила ее не сразу, а углядев, испугалась – Даша лежала на влажной земле неподалеку от колодца. Точней, не лежала – нежилась, как томная девица в постели: то потягивалась всем телом, то махала руками, словно подбрасывая несуществующий снег, то закидывала руки за голову, глядя на звезды. Ее белая шубка была грязной, лицо с раскрасневшимися щеками – отрешенно-счастливым.

– Что ты делаешь? – поразилась Маша и недовольно посмотрела наверх – с неба начал накрапывать мелкий, противный дождик.

– А-а... это ты? – еще больше удивилась ее появлению Чуб. – Я и забыла... Я тут в колодец упала.

– То есть с колодца? – Маша подошла к подруге и протянула ей руку в красной варежке.

– Нет, в колодец. – С видимой неохотой Даша села. – Прямо как утром во сне... летела, летела, летела... и упала на снег.

– Даша, ты лежишь в грязи. – Обеспокоенная Маша подсунула свою нетерпеливую варежку ей прямо под нос, и та неохотно приняла помощь – встала с земли. – Наверное, у тебя голова закружилась. Ты не замерзла?

– Замерзла... или нет?... Черт... голова... – У Чуб потемнело в глазах, но это быстро прошло.

– Идем, – встревоженно сказала Маша, – магазин уже закрывается.

* * *

Окончательно Землетрясная пришла в себя только в Башне Киевиц на Ярославовом валу, 1.

Она почивала на диване под клетчатым пледом, под боком уютно мурчала любимая рыжая котейка Изиды Пуфик. Чуб приоткрыла глаза и сразу вспомнила, как головокружение вернулось, ноги подкосились, Маша все переживала, что подруга испачкала шубку, а потом исхитрилась воскресить ее белизну – отличное ведьмацкое свойство, и в химчистку больше ходить не надо. Ну надо же было так глупо упасть и удариться затылком о стенки колодца, ей аж показалось...

Над ее головой высился поднебесный потолок Башни. Почти прямо под ним по верхней полке книжного шкафа с видом сурового ревизора шла белая кошка – точно проверяла, все ли книги стоят на месте, и не вступил ли альбом Васнецова во внебрачную связь с магией Папюса, не сбежала ли непокорная Марко Вовчок на полку к Писареву?.. Пахло медовыми пряниками, рождественским воском и летней травой.

Чуб подвинула недовольно заворчавшую Пуфик и села, хоть вставать не хотелось: и так хорошо.

В высоком мраморном камине горел огонь, Маша как раз пристраивала рядом пшеничный сноп-дидух... И выпущенные на свободу рыжие волосы младшей из Киевиц казались сейчас наполненными настоящим огнем, и бледное готическое лицо ее, заключенное между пламенем волос и зеленью длинного шелкового платья, стало прекрасным, как картины эпохи Возрождения, и движения были такими осторожными, будто она смертельно боялась обронить хоть одно зерно, сломать хоть колосок дидуха, именуемого ею символом рода.

А в центре Башни, словно в новогоднем рекламном ролике, стояла высокая елка, ее ветви были щедро усеяны мерцающим искусственным снегом, покрыты «дождиком», на макушке сидел златокрылый ангел, а чуть ниже, прямо под ним, разместились две ведьмы: одна на метле и с мешком, вторая – страхолюдная бабка-ежка...

Чуб поморгала глазами, дивясь такому соседству, хоть средней из Трех Киевиц, отвечающих за равновесие между светом и тьмой в Городе, бывшем одновременно Столицей ведьм и Столицей веры, давно следовало перестать дивиться чему бы то ни было.

– Стесняюсь спросить, ты из политкорректности ангела с ведьмами рядом повесила? – весело поинтересовалась Землепотрясная у Катерины Михайловны.

– Можно и так сказать. – Дображанская поправляла столовые приборы на накрытом красной скатертью новогоднем столе. – Я елочные игрушки из разных стран собираю. Это ведьма Бефана – в Италии она прилетает к детям с подарками вместо Деда Мороза. Чешская святочная ведьма Перхта. Черт Крампус. Рядом – козел, символ рождества из Швеции...

– Ведьмы, черт и козел – полный шабаш! Какая прикольная ведьмацкая елочка. А разве мы не должны ее как-то ритуально украсить? Раз уж мы совершаем один из Великих ритуалов года... Хоть это тоже приколы! Кто б знал, что это супервеликий ритуал – дружно позвать Деда Мороза.

– Ритуальные елки украшают на вторую и третью ночь Кратуна. – Катя отошла от стола, сняла передник, разгладила узкое черное платье, став похожей то ли на итальянскую ведьму Бефану, то ли на чрезмерно прекрасную итальянскую отравительницу времен Цезаря Борджиа: – Осторожнее, кстати, не пни коробку, там ведьмины шарики...

– Эти? – Чуб немедленно полезла в помянутый короб рядом с диваном и обнаружила в нем обычные разноцветные елочные шары. – Смеешься?

– Заговаривать стеклянные шары – древнейший магический ритуал, – раздался мелодичный поучающий голос свыше, принадлежавший белой кошке Белладонне, бывшей по совместительству их домашней энциклопедией по ведоводству. – Следует дунуть вовнутрь, наполнив шар своим желанием, и повесить на елку...

– Но не сейчас. Сейчас их трогать нельзя, – строго предупредила Катерина. – Ты помнишь, что наш ритуал – это очень серьезно?

– Что серьезно? Новый год серьезно отпраздновать? – Землепотрясная демонстративно закатила глаза.

– В три ночи Тьмы, – вновь подала глас Белладонна, по-прежнему возлежащая на одной из верхних полок книжных шкафов, – можно изменить даже то, что изменить невозможно. Потому все киевские ведьмы покидают на Тьму Город, дабы ненароком – ни по вине рока, ни словом, ни делом не нарушить изменения, которые соблаговолит внести Киевица...

– И какие невозможные изменения мы можем внести? – заинтересовалась Даша.

– Речь идет о хорошей погоде, – пояснила Дображанская.

– А у природы нет плохой погоды, – сдохмила Чуб. – Вечно вы напускаете суперсерьез на пустом месте!

Катерина Михайловна важно кивнула, благодаря кошку за пояснения, огляделась, проверяя, все ли в порядке, поправила стоящий в центре стола цветочный горшок с красной «рождественской звездой», бросила косой подозрительный взгляд в сторону невозмутимого черного кота Бегемота, сидевшего на углу стола над миской с жареной курицей и всем своим видом демонстрировавшего, что не испытывает к ней ни малейшего интереса... Посмотрела на часы, потом на запотевшее окно, подошла к нему и быстро прорисовала пальцем «глазок»:

– Пора! Первая звезда зажглась.

– Но первая звезда должна зажечься на Рождество... христианское, – то ли удивленно, то ли возмущенно напомнила Даша. – Это ж на Рождество ничего нельзя есть и пить до первой звезды.

– Правильно. – Маша уже подошла к балкону, поправила свое платье цвета листвы, точно готовилась к выступлению на сцене. – Сегодня и есть Рождество. В христианстве Рождество – день рождения Христа. Но в Библии не упомянуты ни дата, ни месяц, когда он родился. А церковь всегда пыталась поставить христианские праздники на место языческих – потому и решила приурочить Рождество Христово к солнцестоянию... Вроде как Иисус и есть новое солнце, которое рождается после самой темной ночи в году.

– Но ведь Рождество, даже католическое, – только 25-го числа, – сказала Даша.

– В том и проблема современных людей. – Белладонна издала рычащий неодобрительный звук. – Они следуют не природе, а правилам, и не могут понять: вне зависимости от их празднеств и правил солнце встает тогда, когда встает... когда встает, тогда наступает Новый год.

– Может, поэтому мои желания на Новый год никогда не сбываются? – сделала удивительное открытие Чуб. – Нам тупо не сказали, когда их загадывать, обманули на целых десять дней!

– Пора! – Катя взяла с камина большую плоскую тарелку, расписанную солярными знаками, и собрала в нее понемногу из каждой тарелки, стараясь не испортить дизайн своих блюд – всевозможных елочек из огурцов, сыров и колбас, пирамидок из салатов, пингвинов-маслин и яичных снеговиков.

Белладонна прыгнула, легко, точно у нее вовсе не было веса, перенеслась на занавеску, зацепилась когтями за золотой плюш и одним движением когтистой лапы поддела щеколду балкона. Балконная дверь открылась мгновенно, – ветер, притаившись с той стороны, словно специально караулил мгновение. В комнату вошли холодная сырость и мгла. На улице накрапывал дождь.

Покачнувшись на золоте плюша, кошка перелетела к Катиным ногам и напомнила:

– Ясная Киевица должна накормить и задобрить Мороза, дабы тот пришел, да ушел честь по чести. Как уважите его – так зима и пройдет. Мало уважите – зима будет бесснежной и лютой, все живое вымерзнет, и то будет ваша вина... Уважите излишне, Мороз задержится тут до Петровок.

– Ну, так давайте накормим Мороза! И да свершится Великий ритуал! – Катерина казалась напряженной, то ли предупреждение Белладонны произвело впечатление, то ли, помимо торгового центра, Дображанская успела купить какую-то ферму и теперь боялась потери урожая.

Держа в вытянутых руках ритуальную тарелку, Катя вышла на лишенный перил прямоугольный балкон, поклонилась, как учили, не низко, не коротко, и пропела как могла задушевно:

– Ой, Мороз, Мороз, деду, прошу в хату к нам до обеда. Зимой ходи, а на Петровку не ходи...

И Даше почудилось: она уже слышала это в Простой жизни, а может, и в позапрошлой, хотела сказать – да Маша приложила палец к губам.

Поставив тарелку на балконе, Катерина вернулась в дом.

– Ты вынесешь Морозу кутю, – сказала она, указывая Маше на наполненную ритуальным яством посудину.

Маша сделала шаг на бесперильный балкон, отметила: ветер и неприятный промозглый зимний дождь исчезли, первый вечер зимнего солнцеворота внезапно стал тихим и нежным, точно сам списал с известных стихов «Тиха украинская ночь, прозрачно небо, звезды блещут»...

– Вовче, вовче, ходи до нас до оброку, а не прийдеш до оброку, аби сь не йшов до моїй худоби, – сказала она так старательно громко, что голос ее покрыл весь Ярославов вал, а снизу, из тьмы невидимый сверху прохожий весело крикнул:

– Ау, ненормальная... в курсе, что до Нового года еще десять дней?

– И волк здесь при чем?.. – не сдержавшись, подхихикнула Даша. – Может, заодно и зайца из «Ну, погоди!» позовем?

– Это древнейшее заклинание, – отрезала Катерина Михайловна, – не нам его переписывать. Так зазывали Мороза испокон веков.

– Все просто. – Маша уже вернулась, оставив на улице плошку с кутьей. – И ты почти угадала. Прообразом Деда Мороза был древнеславянский бог Велес – покровитель богатства, скота, лесных зверей: и волков, и медведей, и зайцев тоже. И, кстати, заяц в Древней Руси – такое же колдовское животное, как кошка.

– Потому Дед Мороз и живет в лесу, в окружении зверушек? – вспомнила выпускница Глиэра либретто оперы Римского-Корсакова.

– Но когда он злится, всем может прийти карачун, – напомнила Маша. – Потому, Даша, пожалуйста, будь посерьезней. – Она указала подруге на третий сосуд. – Это взвар...

– Секунду! Нужна еще рюмка доброй водки для деда. – Катя быстро плеснула в сосуд из бутылки «Хортиця». Ты должна выйти и сказать: «Буре, буре, будь ласкава і виходь до нас на вечерю».

– А буря – типа символ перемен? – догадалась Чуб. – Подождите, – она впрямь стала серьезной, – я желание Деду Морозу загадаю, пусть наконец исполнится. – И черты ее вмиг приобрели рисунок столь романтично-блудливый, что по крайней мере область желания ни для кого не составила тайны. – Загадала!.. Ок, давай тазик.

– Дарья, это ритуальная свердь!

– И чё, она на тазик обидится и сама в себя плюнет?

Землепотрясная вышла на балкон. Уже не одна – множество звезд переливались на небе белыми огоньками праздничной гирлянды небесной.

И подумалось вдруг: небо – и есть настоящая новогодне-рождественская елка, приветствующая рождение нового солнечного цикла, и настоящие ангелы, сидящие на макушке елки, – на самом деле там, в небе (и ведьмы тоже там, но чуть ниже), и звезды, такие похожие на мерцающие электрические огоньки на елочных ветках, и хлопущие молний, и ватный снег, и искусственные снежинки из мишуры – на небе неподдельные, настоящие. И если сесть под звездным небом, как в детстве под елкой... невозможно поверить, что Дед Мороз – злой Карачун, невозможно верить в худшее, и не нужно верить в него, когда мир так невозможно прекрасен, и, принимая его красоту всей душой, ты ощущаешь себя прекраснотушной и огромной, как небо. Ты ощущаешь невозможное – возможным!

– Буре, буре, будь ласкава і виходь до нас на вечерю... И снега пошли нам! – по-хозяйски присовокупила она.

Чуб с надеждой посмотрела на небесную елку, ожидая от нее хоть звука, хоть знака – хоть крохотной снежинки. Но ни одна из звезд не подмигнула своей Киевице, вместо этого в ее кармане неожиданно зазвонил телефон, так громко, что ритуальная свердь со взваром подпрыгнула в руках, вырвалась, упала, разбилась, взвар пролился на бетон балкона, а оттуда на землю.

Сзади ахнуло и мяукнуло пятью голосами. А шестой – мужской голос из трубки произнес:

– Деда Мороза заказывали? Так впускайте!

Глава третья, в которой к Киевицам приходит Дед Мороз, а кое-кому приходит Карачун

Всего двадцать минут спустя никто уже не думал ни о Карачуне, ни о календаре, ни о небе, ни о земле. В честь кого бы и когда бы он ни был – Новый год был в разгаре. Держась за руки, Катя, Маша, Даша и Дед Мороз в синей шубе и шапке с лунным серпом неслись хоромом вокруг елки, распевая во все горло песню... И было так неприлично, так по-детски, по-глупому весело, что в мозгу Кати сверкнуло бенгальским огнем «я в кутю, случайно, ничего такого нам не подсыпала?», но огонь, выпустив пару искр, зашипел и позорно погас...

Густобородый, густобасый, высокий, с искрящимися глазами и важными манерами – Дед Мороз в белой, как взбитые сливки, бороде был таким, каким положено быть главному лицу детских утренников: добродушным, веселым, излучающим непотопляемый оптимизм заводилой, за которым хоть в огонь, хоть в прорубь головой.

– Ах, мои внученьки, что за красавицы, разве такие могут не нравиться?! – начал он. И не только у красавицы Кати, но и у Маши вдруг не осталось сомнений в собственной неотразимости, прелести и обворожительности (бывают же такие мужчины!). – Будем мы с вами загадки отгадывать, будем премудрость свою мы показывать. Вы же у меня все, как на подбор, не только красавицы, но и умницы-разумницы, верно? – И не только Маша, но и Даша немедленно ощутила себя самым умным существом на земле, без пяти минут обладательницей Нобелевской премии по математике. – А загадки не простые, все ответы золотые, – посулил Дед Мороз. – Кто ответит верно, подарок получит мгновенно. «Кто ударит, но не бьет, кто всегда наоборот?»

– Новый год! – воскликнула Землетрясная первой и пропела песенкой: – «Что такое Новый год? Это все наоборот...»

– Тот, кто первым отвечает, тот подарок получает! – Жестом фокусника Дед извлек невесть откуда взявшийся под елкой синий в звездах мешок, достал оттуда праздничную, перевязанную бантом коробку и протянул Даше.

– Кто приходит в домик твой, прячется за бородой? Кто в шубу с бородой одет, кто, скажите? Просто... – Синяя с накладной снежинкой варежка Деда указала на Катю.

– ...Дед! Дед Мороз! – с непреодолимой улыбкой отгадала Дображанская и немедленно получила вторую коробку из щедрого мешка.

– Открой, посмотри, что там! – хитро подначила ее Даша Чуб.

– Позже. Зная тебя, боюсь даже представить, что ты мне могла подарить, – не переставая улыбаться, ответила Катя. – Не буду расстраиваться раньше времени. Завтра...

Но обидеться Даша не смогла, Дед Мороз повернулся к Маше.

Кто повелевает белым снегом,
Кто среди звезд летит по небу,
Кто вам зимушку принес,
Кто, скажите?..

– Дед Мороз! – выкрикнула все тот же нехитрый ответ студентка и тоже была вознаграждена.

Будучи не столь принципиальной, как Катя, Маша Ковалева сразу развязала серебряный бантик, готовая принять на радостях и накладную грудь, но не успела открыть бумажный пакет.

– А на загадки посложней вы ответите, ей-ей? – игриво пропел Дед, выходя к центру комнаты. – Уговор будет такой: раз вопрос мой непростой, коль проявите вы знания – я исполню три желанья.

– Давай, ну давай, поскорей задавай! – сама не замечая того, продолжила стихоплетство Даша.

– В стольном граде под горой стоит терем голубой, – велеречиво начал Дед Мороз, слегка пританцовывая в такт своим велеречивым словам.

Все вокруг из хрусталя, все горит, словно заря,
И живет в тереме том тот, кто с детства всем знаком.
Его имя – Дед Мороз – отраженье ярких...

– ...звезд! – крикнула Даша.

Загадка была так себе, но рифма напрашивалась сама собой, и, произнося последнюю строчку, Дед Мороз ударил об пол своим посохом, украшенным сверху обклеенной фольгой остроконечной звездой.

– Три твоих желания, все исполню за три дня, – пообещал Дед Мороз, важно кланяясь Даше. – Что же время нам терять, снова будем танцевать!

Неутомимый Мороз бросился к Маше, увлекая ее в новый танец, похожий на вальс, – все его движения были энергичные, властные и одновременно нежные. Сделав несколько па, включая наклон, он запел приятным баритоном, безбожно соединяя известные песни в одну с трудноопределимым, но, несомненно, бравурным мотивом:

Маленькой елочке холодно зимой.
Из лесу елочку взяли мы домой.
В лесу родилась елочка, в лесу она росла.
А кем же раньше елочка зеленая была?
Кого несли из поля в дом
И звали важно?..

Дед Мороз выпустил Машу из объятий, отошел от нее и развел руки, ожидая ответа. Студентка-историчка немного поморгала и не слишком уверенно предположила:

– Дидухом? Его ставили раньше вместо елки...

– Умница, дочка. Твои желания исполнятся точно!

А Даша подумала, что купила с пятидесятипроцентной скидкой офигенного «Деда Мороза в халатике» и непременно закажет его еще раз, даже если придется заплатить полную цену.

А Дед принялся за Катерину Михайловну, увлек ее в пляс и заречитативил:

Где-то там стоит дом-храм.
Что о нем известно вам?
Сколько куполов на нем,
Столько я приду в ваш дом...

«Всего один раз? Ошибаешься...» – хотела возразить ему Даша Чуб.

Но не стала: Катя еще не слыхала о доме-храме, пусть ломает себе голову... загадка была реально сложной! Дображанская заметно растерялась, не зная, что ответить. И, воспользовавшись ее замешательством, бойкий Дед увлек ее в пляс, зашептал что-то красавице в ухо, то ли хитрые подсказки, то ли жаркие комплименты и сладкие предложения...

Но испортить настроение Даше они уже не могли – она нетерпеливо дернула нарядный звездчатый бант на подаренной ей небольшой серебристой коробочке и достала оттуда тонкую цепь ожерелья с неровными полупрозрачными звездами, похожими на хрусталики замерзшего льда.

* * *

Ревела бесснежная зимняя буря; река рвалась из берегов; ветер гасил фонари, погружая город во тьму.

«Вода! вода!» – вдруг раздалось со всех сторон. Князь бросился к дверям, но поздно: вода черной реки захлестнула весь нижний этаж. Он отворил окно, чтоб воззвать о помощи, – ответом были лишь стоны погибающих и свист бури. Он заткнул уши, стараясь не слушать их, холодный пот обдал его... Страшно! страшно! Как разъяренные тигры, волны кидаются в окна. Еще минута, вода зальет его пол, взмокнут одежды. Что остается ему?.. Смерть, смерть, смерть ужасная! медленная!

Вот уже колеблются стены, треснули стекла, рухнуло окошко, вода хлынула в него, наполняя комнату, а в проломе явилось что-то огромное, черное... черный гроб внесло в кабинет, – мертвый пришел посетить живого и пригласить его на свое пиршество!

Свечи затрещали и погасли, в немом ужасе он увидел, как волны хлещут по паркету, все поднимают, опрокидывают; картины, зеркала, вазы с цветами – все смешалось, все трещит, все валится; лишь поверху носится открытый гроб, то бьется о стены, то снова отпрянет на середину зала, то ударит опять...

И с треском рухнули стены, раздался потолок, – гроб и хозяина дома волны вынесли в необозримое море... Они были одни посредине бунтующей стихии: он и мертвец, мертвец и он; нет помощи, нет и проблеска света! Его члены закалились, зубы стиснулись, истощились силы; в беспомощности князь ухватился за окраину гроба, в надежде на спасение; гроб накрепко накрепко, голова мертвеца прикоснулась к его голове, он увидел лицо покойного и в остолбенелых глазах его упрек и насмешку... и что-то еще, знакомое, такое знакомое... Хищный нос, длинное лицо, огромная волчья шуба...

«Верни меня... воскреси!» – прохрипел мертвец, не открывая бледного рта.

* * *

Князь снова проснулся в своей кровати, изнервничавшийся, измученный глупым сном, подобно истеричной даме...

Какой, однако, красивый и мрачный сюжет: наводнение – и гроб всплывает прямо в дом.

Или лучше в бальную залу?

Мертвец всплывает, чтобы призвать к ответу живых... сгубивших его? Или забывших?

Кто лежит в том черном гробу? Кто пришел к нему с того света?

Он снова уснул...

* * *

А Даша полупроснулась, потянулась, отпихивая ленивой и томной рукой странный сон, про мужчину, которому снятся странные сны.

Похожее на хрусталики льда ожерелье таилось в ее кулаке. «Нужно на стол положить... а то можно порвать», – полуподумала в полусне Даша Чуб.

Странно вообще-то, когда снится, что ты – мужчина. Наверное, от регулярной нехватки мужчин в личной жизни. Но теперь есть Ромчик... они встречаются в центре... он обещал ей сюрприз...

От мыслей о Ромчике дрема вмиг стала сладкой, словно кто-то погладил ее по щеке, заскользил подушечками пальцев по телу, заставив его задрожать, потянуться... Ветер тихонько постукивал за шторой в окно, и подрагивали старые оконные стекла.

Что-то знакомое, что-то приятное, что-то очень хорошее, случившееся совсем недавно, окутало ее одеялом. Она вспомнила, как упала на пушистый и мягкий снег, нежилась в нем и махала руками, изображая снежного ангела... все только казалось, но было так хорошо... как сейчас... так сладко... и кто-то гладил ее по щеке – нежно-нежно, обволакивая сладостью тело.

Она потрогала свою щеку, рассеянно улыбнулась.

Ее любимая «доця» Изида Пуфик спала рядом на одеяле, свернувшись в почти идеальный шар и прикрыв хвостом розовый нос (значит, скоро похолодает). Невзирая на отсутствие снега, с приходом зимы рыжая кошка недвусмысленно решила впасть в спячку и просыпалась теперь лишь для того, чтобы поесть.

Чуб тоже потянулась, как довольная кошка, натянула одеяло на уши, устроилась поудобней, намереваясь спать дальше, но тут взгляд упал на часы... И те намекнули: лучше бы встать, если не хочешь опоздать на свидание.

Утро оказалось поздним, смурным и темным. В часы Карачуна день – как дрянная спичка: не успеет зажечься, как уже догорит.

– С первой Тьмой тебя! – поздравила Катерина, едва заспанная Чуб появилась в круглой комнате Башни Киевиц.

– Тебя туда же, – вяло проворочала языком Даша, всей душой устремляясь к стоящему в центре заставленного остатками вчерашнего буйного веселья стола горячему кофейнику. – А чё никто ничего не убрал?.. – спросила она скорее с удивлением, чем с упреком, – обе ее ведо-леги были законченными аккуратистками.

– Нельзя убирать. Остатки новогоднего ужина всегда оставляют для предков, чтобы их души тоже могли полакомиться.

– И чё ты раньше мне не сказала? Я б знала, что ответить, когда в гостях на Новый год все кричат: давай-давай мыть посуду... и всем облом. А тут такое козырное оправдание! Или еще: «А кто вчера выпил всю водку? – Предки!» Тоже отменная отмазка. Кстати, о водке. Катя, мне приснилось или ты правда играла вчера в прятки с нашим Дедом Морозом?.. сколько ж ты выпила?

– Совсем не пила. Твой Мороз – гениальный аниматор. Спасибо тебе. И за подарок спасибо. Вот уж не ожидала, – искренне поблагодарила Катерина.

– Тебе реально понравилось? – слегка ошалела от обилия благодарности Землепотрясная Даша (обычно они с Катериной открывали рот лишь для того, чтоб уесть друг дружку).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.